

НЕФТЕДОБЫВАЮЩАЯ ОТРАСЛЬ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
ПО ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ, ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЮ И ЭКОЛОГИИ

Иван Игнатьевич Никитчук

Важность нефтедобывающей отрасли для экономики России трудно переоценить. Этот сектор экономики вместе с добычей газа дает более половины доходов бюджета, 44% валютных поступлений. На него приходится, по данным Всемирного банка, более 20% ВВП страны.

Но не газ, а именно нефть – наиболее ценный российский товар, потому что приносит больше всего валюты. В прошлом году за рубеж отправили 211,5 млн т из 511 млн т добытого в России черного золота, то есть 41%. У газа соотношение другое: выкачали 655 млрд куб. м, из них экспортировали 112,7 млрд куб. м – 17%. Специалисты подтверждают: российский бюджет держится именно на нефти! Достаточно заглянуть в данные Федерального казначейства и разделить нефтяные и газовые доходы государства, и мы увидим, что налоги на нефть приносят в казну примерно в 3–4 раза больше денег, чем поступления от газа.

В общей сложности в пяти крупнейших нефтяных компаниях трудятся 540 тыс. человек. Это около 1% экономически активного населения страны. Самый крупный работодатель в отрасли – ОАО «Роснефть», трудоустроившее 170 тыс. человек. Следом идет ОАО «ЛУКОЙЛ» со 150 тыс. сотрудников, за ним – ОАО «Сургутнефтегаз» – 100-тысячный коллектив. В ОАО «Газпром нефть» и ОАО «ТНК-ВР Холдинг» по 60 тыс. рабочих мест.

В нефтяной отрасли и заработная плата самая высокая. По данным Росстата, в целом оклады сырьевиков в 2,5 раза больше средних по Российской Федерации. Они в 5 раз выше, чем в сельском хозяйстве! Но реальные, а не среднестатистические «нефтяные» зарплаты просто поражают. 1,5 года назад достоянием общественности стал внутренний отчет ОАО «Газпром нефть». Там черным по белому написано: средняя месячная зарплата сотрудников корпорации превысила 534 тыс. рублей. В компании «Транснефть» 28 иностранным специалистам, приглашенным для

1

2

ПОСЕЩЕНИЕ НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОАО «ЛУКОЙЛ» (КОГАЛЫМ)

строительства нефтепровода Тенгиз – Новороссийск, в среднем выплачивается по 472 тыс. долларов в год. Если пересчитать на рубли, то размер месячного оклада составляет около 1,2 млн. В той же компании «Транснефть», например, даже в условиях кризиса 2009 года зарплаты сотрудников головного офиса выросли на 80%. Корпорация потратила на персонал в общей сложности 2 млрд рублей. Вышла «скромная» сумма – 260 тыс. рублей на человека в месяц.

Одним словом, нефтяники, пополняя федеральный бюджет, и сами пока явно не бедствуют. Но как долго это благополучие может продлиться? Похоже, конец «золотого века» отрасли не за горами. Прирост добычи нефти в 2012 году составил всего около 1,3%, то есть отрасль фактически топчется на месте. Специалисты утверждают, что если в российской нефтяной промышленности не произойдет кардинальных изменений, то к 2030–2035 годам страна не сможет обеспечить даже внутренние потребности в нефти. И хотя В.В. Путин заявил, что запасов хватит на 100 лет, простые расчеты показывают, что активных запасов, то есть запасов, которые можно отбирать стандартным методом добычи, хватит на 6–8 лет. Трудноизвлекаемых, которые сегодня стоят на балансе и требуют применения капиталоемких технологий, хватит на 15–20 лет.

Ресурсы шельфа огромны, но они недостаточно изучены, и не исключено, что там запасов может оказаться меньше, чем заявляется. Сегодня общемировая тенденция заключается в том, что новые месторождения намного скуднее тех, которые открывались 30–40 лет назад. За последние 40 лет средние запасы открываемых в России месторождений снизились в 30 раз – до 900 тыс. т. В мире переломить эту тенденцию помогло открытие нескольких уникальных месторождений на глубоководном шельфе Бразилии и Мексиканского залива. Такой же всплеск возможен и в России по мере изучения арктических морей. Там сосредоточено, по неподтвержденным оценкам, около 100 млрд т углеводородного сырья, из которых около 25% приходится на нефть.

Хорошие перспективы связаны с Каспийским морем. Только за счет освоения каспийских месторождений имени Владимира Филановского и имени Юрия Корчагина добыча нефти может вырасти на 15 млн т в год. Реализация проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2» позволит увеличить ее еще примерно на 20 млн т. Наконец, освоение Приразломного месторождения в Печорском море принесет еще около 7 млн т. Так что шельф в принципе может внести существенные коррективы в нынешнюю ситуацию с запасами. Ее могло бы изменить и более пристальное изучение сухопутной части России, ведь она исследована менее чем наполовину. Однако для этого надо в корне менять ситуацию в геологоразведке. Иначе ничего не получится.

Сегодня с определением запасов вообще творится безобразие: Минприроды России и Роснедра отчитываются перед правительством, показывая, что они за год открыли столько-то месторождений и на столько-то прирастили запасы. Эти запасы ставятся на баланс, а через какое-то время списываются как неподтвержденные. В советские годы за подобную «арифметику» «летели головы», например снимали с должности главного геолога. А сейчас подобная ситуация в порядке вещей.

3

4

Несмотря на кажущуюся стабильность, современное состояние ТЭК России не позволяет с оптимизмом смотреть в будущее. Снижение темпов воспроизводства углеводородов налицо, и оно уже начало сказываться на динамике добычи и обеспечении показателей, заложенных в Энергетическую стратегию России на период до 2030 года. За последние 15 лет дефицит прироста запасов нефти в России по отношению к добыче достиг более 1,2 млрд т, а объем текущих извлекаемых запасов на одно месторождение сократился почти вдвое – с 11 млн т в 1992 году примерно до 6 млн т в 2010 году.

И главная причина сложившейся ситуации – политика государства, которое устранилось от участия в обеспечении рационального недропользования. На государственном уровне решаются лишь вопросы налоговой нагрузки на отрасль, а не создания нормальных условий для ее развития. Прежде всего, уделяется крайне недостаточно внимания геологоразведке: за счет бюджета она выполняется только на 5%, остальное – за счет недропользователей. Поэтому начиная с 1990-х годов годовая добыча в России не компенсируется приростом запасов, а средняя их восполняемость не превышает 85%. Объем разведочного бурения за эти годы сократился в 6 раз. Для того чтобы поддерживать достигнутый уровень добычи, требуется хотя бы двукратное приращение запасов ежегодно. Сегодня коэффициент прироста составляет всего 1,03, то есть происходит простое воспроизведение. Попытки увеличить этот коэффициент за счет переоценки запасов являются лишь манипулированием цифрами, не имеющим ничего общего с реальным приращением.

Но беда не только в отсутствии должного внимания к финансированию геолого-разведочных работ. Есть и другие сдерживающие факторы. Например, отсутствие ряда основополагающих документов, таких как правила разработки месторождений, госстандарты, требования к рациональной разработке и многие другие. Ослаблен контроль со стороны Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых (ГКЗ Роснедра). Вообще сама эта структура не отвечает задачам дня: комиссия по запасам должна быть независимой и не может входить в состав Минприроды России. У нас же она подчиняется министерству, как и другая комиссия – по разработке месторождений. Раньше она называлась центральной, теперь преобразована в согласительную, что само по себе является несуразицей. Этот орган рассматривает и принимает технологические схемы разработки месторождений, подвергает проекты экспертизе. При этом платит за экспертизу недропользователь. О какой объективности в таких обстоятельствах может идти речь? В итоговом документе записываются те результаты экспертизы, которые выгодны заказчику. А ему выгодно извлечь сиюминутную прибыль и уйти с месторождения, не думая о состоянии, в котором остаются недра.

Поэтому проблема состояния недр только усугубляется. Недра по Конституции Российской Федерации принадлежат государству, но сегодня контроль с его стороны за рациональным их использованием практически сведен к нулю. Например, на каждом месторождении устанавливается величина коэффициента извлечения нефти (КИН). Если КИН, скажем, равен 0,4, то это значит, что 40% нефти можно забрать, а 60% останется. Чтобы извлечь остальное, нужны новые капиталоло-

емкие технологии. Работать в этом направлении компании не очень хотят, потому что это чревато дополнительными затратами. В итоге в последние годы в России резко падает КИН. Пытаются объяснить это усложнением горно-геологических условий. Но в США тоже усложняются горно-геологические условия, однако там КИН растет, а в России падает. Почему? Потому что на вооружение компаниями взяты хищнические методы разработки месторождений. При этом надо понимать, что выработанность месторождений, обеспечивающих нефтедобычу в стране, крайне высока. В европейской части России она достигает порядка 70%, похожая картина в Западной Сибири, где более 150 самых важных нефтяных месторождений находится в стадии падающей добычи. Среди них такие гиганты, как Самотлорское, Мамонтовское, Фёдоровское и многие другие. Нераспределенных крупных месторождений в государственном фонде больше нет. Текущие запасы нефти распределены на 93%. Оставшиеся 7% представлены мелкими месторождениями, находящимися на грани рентабельности. Поэтому проблема повышения значения КИН с каждым годом только усугубляется. В настоящее время ГКЗ определила ничем не обоснованное значение КИН – 0,4. В итоге всё равно КИН, как правило, не превышает 0,30–0,34. Значит, 66% нефти остается в земле. И никого это особо не тревожит. Не бьют тревогу и профильные ведомства – Минприроды России, Минэнерго России. В том числе, наверное, и потому, что там сегодня вообще практически отсутствуют нефтепромысловые геологи и специалисты по разработке месторождений, зато в избытке можно встретить юристов, финансистов и специалистов различных иных отраслей.

Как видим, ситуация в нефтедобывающей отрасли непростая, если не сказать большего. Ее консервация может в ближайшем будущем поставить страну перед отсутствием перспектив вывода экономики из кризисного состояния, а ее граждан – перед непреодолимыми испытаниями. Правительству необходимо избавиться от иллюзии, что золотой дождь нефтедолларов будет вечным, и серьезно заняться реформированием важнейшей отрасли, наведением порядка в ее структуре, обновлением законодательной базы, серьезно пересмотреть отношение к проблемам геологоразведки и т.д. Самым радикальным и верным средством изменения сложившейся ситуации могла бы стать национализация не только нефтедобывающей отрасли, но и всего сырьевого комплекса страны, о чем давно и авторитетно говорят многие эксперты и специалисты. Пока что это предложение не находит поддержки со стороны власти, но, скорее всего, разумной альтернативы ему нет.